

Автор: Мартюшева В. (Украина)

Тема хосписа стала мне близкой благодаря великому человеку и замечательному доктору Андрею Владимировичу Гнездилову. Андрей Владимирович — Петербургский врач-психиатр, основатель первого в СНГ хосписа в Петербурге. Я благодарна судьбе за то, что познакомилась с этим удивительнейшим человеком, в котором столько мудрости, доброты и любви к людям. Для меня является большой загадкой, как он может столько лет работать в хосписе, каждый день видеть горе и смерть и при этом, не жалея ни сил, ни времени, душевно «вкладываясь» в каждого своего пациента, оставаться таким внимательным, чутким, любящим и терпимым к каждому. Мне кажется, что это невыносимо тяжело. Я поработала волонтером в хосписе совсем немного, и я преклоняюсь и восхищаюсь теми, кто работает там много лет... А Андреем Владимировичем — особенно. Было видно, что он вкладывает в каждого пациента частичку своей души. Какая же она большая — действительно, великая — у него Душа.

Встреча с Гнездиловым, можно сказать, перевернула всю мою жизнь: мои жизненные приоритеты, мое отношение к жизни и к смерти, к людям, больным и здоровым.

Личность Андрея Владимировича Гнездилова, первое впечатление от пребывания вместе с ним в питерском хосписе, то, как смотрели на нас, робких и перепуганных студентов, умирающие люди, не забуду никогда. Их боль тогда стала и моей болью.

Эта встреча привела меня волонтером хоспис. И хотя проработала я там совсем недолго — нет пока во мне того мужества и душевных сил, чтобы каждый день встречаться со смертью — мне посчастливилось стать свидетелем Чуда или, вернее, огромного мужества Человека в борьбе с поставленным страшным диагнозом.

...Я помню Владимира с первого дня работы. В палате, в которой он лежал, ощущалась какая-то особая атмосфера. Она разительно отличалась от настроения в других палатах. Это впечатление было таким сильным, что именно это посещение я запомнила так, как будто это было вчера. Мужчины — их было четверо — очень приветливо меня встретили, стали с удовольствием со мной общаться, улыбались и много шутили. Эта приподнятая, радостная атмосфера меня тогда поразила. Но больше всех меня удивил Владимир. Он излучал такую жизнерадостность, уверенность, такую жизненную силу и оптимизм, которые не то что в хосписе, но и в обычной жизни редко можно встретить... Еще тогда я отметила, с каким вниманием и уважением прислушиваются к нему другие пациенты. Потом я увидела, он не только подбадривал и морально поддерживал своих соседей по палате, но и физически за ними ухаживал. Да и не только за больными в своей палате, но и за многими пациентами в хосписе.

Лет ему около шестидесяти. Невысокого роста, коренастый, с густой седой бородой. С открытой улыбкой и озорным блеском в глазах. Тогда он сидел на кровати, а рядом лежали костыли. Ходить он мог только с их помощью, и видно было, что передвигается с большим трудом, но при этом походка его казалась энергичной и уверенной.

При первом же знакомстве Владимир рассказал мне свою историю: «Когда меня сюда привезли, врач сказал, что мне осталось жить всего две-три недели, ну максимум месяц. А я, видите, живу здесь уже почти десять месяцев! А все почему? Смотрите!» И он показал деревянную дощечку с надписью: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4:13).

Немного позже я узнала, что он бывший моряк (хотя, наверное, бывших моряков не бывает). Владимир мне очень напоминал персонажа известной песни: «Жил отважный капитан, он объездил много стран... раз пятнадцать он тонул, погибал среди акул, но ни разу даже глазом не моргнул...» Как-то я ему об этом сказала, он рассмеялся и ответил: «Да, я не сдамся... и болезни тоже».

Со временем я стала всегда в начале работы заходить к нему. Он мне рассказывал новости про жизнь в хосписе, мы делились с ним мыслями о некоторых пациентах. Можно сказать, что мы стали с ним сотрудничать, и это сотрудничество радовало его и очень поддерживало и вдохновляло меня.

И также заходила к нему в конце рабочего дня. Передавала ему приветы из других палат, иногда — приглашение в гости. Как я уже писала, Владимир умел создать особую атмосферу вокруг себя. Например, хоспис он называл кораблем, палаты — каютами. Поэтому приглашение звучало приблизительно так: «Владимир, там девочки (на самом деле бабушки) из седьмой каюты назначили Вам свидание и ждут Вас вечером на чаепитие».

Как-то он поделился со мной, что пока он находится в хосписе, в его палате умерло около шестидесяти человек. Я удивлялась его мужеству. И его умению словом и делом помогать своему ближнему. Вообще, Владимир отличался оптимизмом и жизнерадостным характером, деятельным состраданием, огромным жизнелюбием и еще желанием учиться чему-то новому. Все мои предложения заняться психотерапией или творчеством он принимал с энтузиазмом. С удовольствием занимался арт-терапией,

смело экспериментировал с красками, а когда у него проявились особые способности к рисованию, очень обрадовался возможности учиться рисовать профессионально. Любил рисовать море, лес, горы, места, где ему было хорошо. Я помню, как он говорил: «Теперь я могу, когда выйду отсюда здоровым, стать художником». Однажды я его спросила: «Владимир, а что Вы думаете о своей болезни?» «Ну, я знаю, что у меня рак, но я также знаю, что Бог поможет мне выздороветь» — ответил он. Тогда я промолчала, но помню, что такой оптимизм вызывал у меня тревожность. Иногда я думала: «А что будет, когда ему станет хуже и когда он поймет, что все-таки умирает? Что будет с ним? С его Верой»? Сейчас я понимаю, что это были мои страхи, это было мое не-верие в Бога, неверие в Чудо, мое не-до-Верие. Каждый раз по дороге в хоспис сердце мое сжималось, и я думала: «Жив ли он? Как сегодня себя чувствует?» И ощущала огромное облегчение, когда он встречал меня такой живой и улыбающийся.

Были, конечно, дни, когда он грустил, и тогда мы не занимались. Это было, когда умирал кто-то из соседей по палате. Помню, он сдружился с одним тоже удивительным и интересным человеком. Когда тот умирал, в палате было очень тихо; мы долго сидели молча, и я видела, как сильно переживает и сострадает ему Владимир. А за то время, пока Владимир находился на этом «корабле», так много человек умерло, и всех он, можно сказать, провожал в последний путь, а с некоторыми из них успел особенно сблизиться. Как-то в беседе он сказал, что помнит каждого...

Несколько раз по поводу Владимира я подходила к главврачу и «доставала» его одним и тем же вопросом: «Скажите, может случиться такое, что Владимир выздоровеет и выйдет из хосписа? Вот смотрите: уже сколько месяцев, несмотря на врачебные прогнозы, — живет. Он оптимист, верит в Бога, похоже, что он Божий человек, с ним ведь может произойти чудо?» И главврач, уставший от такого рода вопросов, задаваемых ему на протяжении многих лет, каждый раз терпеливо и по-доброму отвечал: «Нет, не может. Такого не бывает и не может быть — не надейтесь».

Летом меня вызвали на выездную работу на три месяца. Я зашла в хоспис попрощаться с его жителями. Зашла и к Владимиру. Мы с ним особенно долго тогда разговаривали. От мысли, что, возможно, я вижу его в последний раз, у меня больно сжималось сердце. А Владимир был, как всегда, настроен оптимистично.

После моего возвращения я встретила с главврачом хосписа. Мы с ним разговаривали, и я ловила себя на том, что мне очень страшно спросить его о Владимире. С каким же удивлением и огромной радостью я услышала, что он жив, что его выписали! «Доктор, а Вы помните, как говорили, что чудес не бывает? А ведь случилось же Чудо, настоящее Чудо!».

Я думаю, что эта история произошла неспроста именно с этим пациентом. Год и несколько месяцев он прожил с поставленным ему страшным диагнозом. Его настрой отличался от того позитивного настроения, о котором так часто говорят: «А ты говори себе, что ты здоров — и будешь здоров». Нет, его Вера отличалась от самовнушения или самообмана. Его Вера, глубокая и искренняя, основывалась, похоже, на смирении и принятии всего, что дает Бог.

Я помню, как в детстве мне рассказывали сказку о двух лягушках, которые тонули в молоке. Одна сразу сложила лапки и пошла на дно, а другая изо всех сил боролась, взбила сметану и выжила. Я помню, что еще усомнилась тогда: как это вторая лягушка могла знать, что собьет сметану? И подумала, что я, наверное — первая лягушка.

Владимир жил, надеялся, верил, несмотря на смертельный приговор. Строил планы на будущее, учился новому, опираясь на свою веру. Не подсел на наркотики, не впал в депрессию, которая вполне может довести до смерти и здорового человека. Чудо в том, что он смог выйти живым из хосписа и вернуться к нормальной жизни. Это удается одному из тысячи.

Это чудо произошло не только в жизни хосписа и Владимира, но и в моей жизни. Мне посчастливилось стать свидетелем того, как вопреки прогнозам врачей и здравому смыслу в том месте, где так много горя, боли и отчаяния, произошло Настоящее Чудо.